
ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 330.59

А. В. ДЛУГОПОЛЬСКИЙ,
*доктор экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Тернопольского национального экономического университета*

ГОСУДАРСТВО (ВСЕОБЩЕГО) БЛАГОСОСТОЯНИЯ В КИТАЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ

Рассмотрены ключевые направления формирования государства всеобщего благосостояния. В историческом контексте проанализирована экономическая политика Китая по формированию государства благосостояния с выделением основных социальных инициатив. Охарактеризованы главные проблемы на пути построения государства всеобщего благосостояния. Сделаны выводы о необходимости перехода от перераспределительных критериев оценки государства благосостояния к институциональным.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социализм, социальная политика, городское и сельское население, неравенство.

A. V. DLUGOPOL'SKII,
*Doctor of Econ. Sci.,
Assoc. Professor of the Chair of Economic Theory,
Ternopol' National Economic University*

THE STATE OF (TOTAL) WELFARE IN CHINA: STAGES OF FORMATION AND PROBLEMS OF CONSTRUCTION

The key directions of formation of a state of total welfare are considered. In the historical context, China's economic policy concerning the formation of a state of welfare is analyzed with the separation of basic social initiatives. The key problems on the way to the building of a state of total welfare are characterized. The conclusion on the necessity to transit from the redistributive criteria of estimates of a state of welfare to the institutional ones is made.

Keywords: state of total welfare, socialism, social policy, urban and rural populations, inequality.

В многочисленных исследованиях по теории общественного благосостояния выделяются два фундаментальных подхода, по-разному объясняющих формирование государства всеобщего благосостояния (от англ. Welfare State): экономическая гипотеза [1], акцентирующая внимание на экономических причинах усиления активности государства в общественной жизни (как реакция на безработицу, бедность и урбанизацию, на необходимость финансировать масштабные инфраструктурные проекты, образование и медицинское обслуживание) – подход Г. Виленски; политическая гипотеза [2], обращающая внимание на развитие государства благосостояния как феномена властных (политико-правовых) отношений – подход В. Корпи. И если в странах с классически сильным общественным секто-

---

Длугопольский Александр Владимирович (Dlugopol'skii Aleksandr Vladimirovich) – e-mail: dlugopolsky@mail.ru.

ром и развитым гражданским обществом формирование Welfare State объясняется преимущественно политическим подходом, то в странах с формирующимися рынками именно экономические проблемы и объективная неспособность решить их рыночными механизмами актуализировали генезис государства благосостояния.

Классические работы по теории благосостояния (Р. Титмусс, Г. Эспинг-Андерсен) выделяют несколько моделей (типов) социальных государств *: либеральная (остаточная); консервативная (корпоративная) и социал-демократическая (универсальная) (табл. 1). В отдельных случаях речь идет также о рудиментарной модели, с присущей ей неразвитостью системы социальной защиты. Однако за последние 20–30 лет страны, которые первоначально были отнесены к такой модели (главным образом, Средиземноморские), осуществили прорыв в построении социально ориентированного государства, серьезно повысив уровень социальных расходов в ВВП. Вопрос эффективности такой политики остается открытым, особенно в контексте долгового кризиса именно в этих странах ЕС (Греции, Италии, Португалии, Испании). В основу классификации Р. Титмусса и Г. Эспинг-Андерсена заложен преимущественно принцип величины государственных расходов в ВВП.

Таблица 1

**Типология государств благосостояния
(согласно концепциям Р. Титмусса и Г. Эспинг-Андерсена) ***

№	Модели	Характеристики	Примеры стран
1.	Либеральная	Базируется на принципах "страховой сетки" и социальной патологии, согласно которым под социальную защиту подпадают лишь те категории населения, которые не способны самостоятельно обеспечить свое благополучие (социально не защищенные), а также на дуализме государства и рынка в социальном страховании, обеспечении жильем, образовании, медицинском обслуживании, благотворительности и т. д.	США, Канада, Великобритания, Новая Зеландия, Австралия
2.	Консервативная	Базируется на принципах субсидиарности (участие различных секторов экономики в сфере социальной защиты) и солидарности (возможность для институций низшего уровня обратиться за помощью к институциям высшего уровня без угрозы потери контроля над своей деятельностью), а также на необходимости обеспечить равновесие патерналистского инструментария власти с адресными программами поддержки различных групп населения как по профессиональному, так и по имущественному критериям	Германия, Австрия, Швейцария, Франция, Бельгия, Люксембург

* Социальное государство (государство всеобщего благосостояния, государство благоденствия – Welfare State) – политическая система, перераспределяющая материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Впервые термин "социальное государство" (от нем. Sozialstaat) в 1850 г. употребил Л. фон Штейн, включив в перечень его функций "поддержание абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти", а также утверждая, что оно "обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве" [3].

Окончание таблицы

3.	Социал-демократическая	Базируется на универсальной системе социальной защиты, при которой государственные усилия направляются на минимизацию социальных проблем и максимизацию государственных доходов через систему прогрессивного налогообложения	Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Нидерланды
----	------------------------	--	--

* Составлено на основе: *Titmuss R. M. Social Policy : An Introduction.* – London : George Allan and Unwin, 1974; *Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies.* – Oxford : Oxford University Press, 1999; *Esping-Andersen G. Welfare States in Transition : National Adaptations in Global Economies.* – London : Sage, 1996; *Esping-Andersen G. Three World of Welfare Capitalism.* – Oxford : Oxford Polity Press, 1990.

М. Каутто, в свою очередь, исследовал объем расходов на социальную помощь в натуральной или денежной форме, выделяя три типа государств: с доминированием модели услуг (социальная помощь предоставляется преимущественно в натуральной форме – Франция, Германия, Финляндия, Норвегия, Швеция), модели трансфертов (соответственно, в денежной форме – Италия, Нидерланды, Австрия, Бельгия), смешанной модели (Португалия, Греция, Ирландия) [4].

Однако на сегодня подходы как Г. Эспинг-Андерсена, так и М. Каутто устарели, поскольку модели государств благосостояния рассматриваются в статике (без учета качественных изменений, произошедших за последние десятилетия), охватывают слишком узкий круг стран, а критерии, заложенные в основу такой классификации, игнорируют гендерную и семейную политики [5; 6], не учитывают фактор неравенства в первичном распределении доходов [7]. Также качественные изменения в социальной политике приводят к тому, что те или иные страны часто “мигрируют” из группы в группу под воздействием экзогенных и эндогенных параметров (например, за 1990–2006 гг. Португалия стала более трансфертной, а Великобритания – ориентированной на модель услуг). Поэтому многие экономисты [8; 9] предлагают расширенные версии государств благосостояния, включая в их перечень страны Южной и Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и даже Африки.

Модель государства благосостояния в странах Азии принято называть “конфуцианской” (Южная Корея, Китай, Тайвань, Сингапур), основными характеристиками которой можно считать [10]:

- сильное государство с масштабным государственным сектором;
- экономическое развитие как высшую цель государственной политики;
- борьбу с бедностью как стратегию социально-экономической политики;
- подчиненность социальной политики экономической;
- достаточно низкий уровень социальных расходов в ВВП;
- сильную зависимость благосостояния и безопасности индивидов от семейных ценностей;
- ориентацию на качественные институты и либеральную государственную политику в сфере предпринимательской деятельности;
- делегирование части полномочий в сфере социальной защиты организациям общественного сектора.

Азиатский банк развития классифицировал экономику Китая как консервативный режим благосостояния (Conservative Welfare Regime) [11; 12], проводя аналогию с моделью Германии, Австрии, Франции и т. д., являющихся ориентирами для азиатских реформаторов. Говоря о государстве благосостояния, следует отметить, что речь идет, прежде всего, об особенностях социальной политики, которую Т. Аина определяет как “систематическое и преднамеренное вмешательство в общественную жизнь страны для обеспечения удовлетворения основных потребнос-

тей и благополучия большинства граждан" [13, с. 71]. Социальная политика выражает общественно значимые цели развития в рамках законодательства той или иной страны, существующих институтов, административных норм и сложившейся практики, а поэтому является более комплексным и широким понятием, чем социальное обеспечение и социальная работа.

Обращаясь к истории развития китайской экономики, отметим, что после образования КНР в 1949 г. началось активное создание социалистической системы с определенной политикой занятости (пожизненным наймом) [14]. Все трудоспособное население было организовано в своеобразные производственные бригады (danweis), через которые и обеспечивалось благосостояние работников государственных предприятий, служащих органов государственного управления и других организаций госсектора. Danwei-система функционировала в виде "мини-государства благосостояния", базировавшегося на трех элементах [15]: срок пребывания на работе (так называемый "iron rice bowl"), эгалитарная зарплата (так называемый "big rice pot") и пакет благосостояния. До экономической реформы 1978 г., связанной с масштабной корпоратизацией и созданием новых фирм, а также введением системы ответственности домашних хозяйств за свое благополучие, более 80% трудоспособного населения городов работали по системе danwei [16], тогда как в сельских районах фермеры были организованы в коммуны, основанные на коллективной собственности на землю. Именно коммуны в селах и danweis в городах стали гарантами обеспечения благосостояния. В свою очередь, для тех жителей Китая, которые не были охвачены этими системами гарантии занятости, устанавливались программы социальной помощи для обеспечения их базовых потребностей на минимальном уровне (как в селах, так и в городах) [17; 18].

Однако "Культурная революция" 1966–1976 гг. повлекла за собою ликвидацию такой системы обеспечения благосостояния рядовых граждан, широкомасштабные репрессии против интеллигенции, разгром общественных организаций, колоссальный урон для науки и образования, уничтожение памятников культуры и т. д. В ходе новой политической кампании распределение по труду, право на приусадебные участки, товарно-денежные отношения объявлялись "буржуазным правом", которое необходимо "ограничивать" (вводя уравниловку). Под прикрытием новой кампании на многих промышленных предприятиях и в коммунах ущемлялись экономические интересы трудящихся: в ряде случаев отменялись меры материального поощрения, практиковалась работа в сверхурочные часы [19]. С 1986 г. политика пожизненного найма была заменена системой индивидуальных контрактов с освобождением предприятий от обязанности социального обеспечения трудящихся. Образование, медицинское обслуживание и решение жилищной проблемы стали неподъемным бременем для подавляющего большинства граждан КНР, что приводило к социальной напряженности и массовым акциям протеста конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Начальным этапом социально ориентированных реформ стало возрождение комплексных мер по социальной поддержке традиционно привилегированных групп (государственных чиновников и работников городского формального сектора), для которых медицинское страхование и пенсионное обеспечение были введены уже к концу 1990-х годов. Новая Конституция (1982 г.), Закон о труде (1994 г.), Закон о защите прав пожилых граждан (1996 г.), Закон об усыновлении (1999 г.), Закон о защите инвалидов (2007 г.) [20; 21] стали фундаментом для кардинальных социальных реформ в Китае. В начале 2000-х годов успешно проведены эксперименты с пенсионным страхованием в сельских районах КНР. С 2007 г. по всей стране введена система обязательного начального образования детей, а также даны гарантии жителям сель-

ских районов относительно обеспечения их прожиточным минимумом (Minimum Subsistence Guarantee) [17; 10]. В 2007 г. утверждена (а в 2012 г. — значительно расширена) программа социального развития КНР (“social construction”), в которой признавалось право граждан на образование, медицинское обслуживание, занятость и пенсионное обеспечение в старости. Согласно данным официальной статистики, если в 2003 г. медицинская страховка была только у 3% сельских жителей, имеющих на нее право, то на сегодня — почти 98% [12]. Кроме того, немало внимания стало уделяться внутренней миграции — в 2006 г. создан Объединенный комитет по миграции сельского населения (Joint Committee on Rural Migration), а с середины 2000-х годов начало развиваться профессиональное образование в сфере социальной работы. Основные инициативы социальной политики Китая приведены в таблице 2.

Таблица 2

Социальные инициативы Китая *

Схемы	Годы	Цели	Масштабы охвата
Basic Old-Age Insurance System	1990, 1997	Пенсионное обеспечение формально и неформально занятого городского населения	Приблизительно 50% населения (с 48,17 млн. чел. в 1990 г. до 122,5 млн. чел. в 2003 г.)
Regulations on Unemployment Insurances	1993	Страхование от безработицы формально занятого городского и сельского населения	2009 г. — 326,5 тыс. чел.
Basic Medical Insurance for Urban Employees	1996, 2007	Медицинская защита работающего населения в городе (как минимум, 20 юаней на 1 чел.)	2006 г. — 28% городских жителей, 2008 г. — соответственно, более 60% (26 млн. чел.)
Di Bao Urban	1999	Гарантированное минимальное обеспечение самых бедных домохозяйств в городе	23 млн. чел.
Social Pension Insurance	2002 (для городского населения), 2009 (для сельского населения)	Субсидии для пенсионеров	361 млн. чел. сельского и городского населения
New Cooperative Medical Scheme (NCMC, rural)	2003	Возмещение расходов на медицинское обслуживание для сельского населения (как минимум, 30 юаней на 1 чел.)	Почти 100% покрытия
Di Bao Rural	2006	Гарантированное минимальное обеспечение самых бедных домохозяйств в сельской местности	52 млн. чел.

* Составлено на основе: *Haan A.* The Social Policies of Emerging Economies : Growth and Welfare in China and India // IDRC Working Paper. — 2013. — № 110; *Schmidt S.* China — A Welfare State? The Development of the Welfare Effort in a multi-dimensional Context: Bachelor Thesis. — Netherlands : University of Twente, Faculty of Management and Governance, 2012.

Как справедливо отмечают Г. Женг, С. Кук, Н. Кабир, Г. Суваннат [22; 23], в Китае реформы социального обеспечения явились адекватной реакцией на необ-

ходимость абсорбции шоков потери работы (коллапса занятости) и предупреждения краткосрочных проблем на рынке труда и в социальной сфере. Таким образом, современная система обеспечения благосостояния КНР строится на нескольких "китах": 1) социальная помощь в виде пособия по бедности, которое выплачивается на основе прожиточного минимума для городских жителей — с 1999 г., для сельских — с 2008 г. (чрезвычайно зависит от местной практики) *; 2) государственное социальное страхование (пенсионное, медицинское, по безработице, по беременности и родам, от производственной травмы); 3) услуги по уходу за пожилыми людьми, сиротами и инвалидами (достаточно избирательны).

Однако, несмотря на такое разнообразие инструментов социальной поддержки населения, в Китае о государстве благосостояния следует упоминать с огромными оговорками, поскольку:

— во-первых, многое из заявленного инструментария носит скорее рекомендательный характер и находится в состоянии постоянной корректировки в зависимости от реальной социально-экономической ситуации в стране и в ее отдельных регионах;

— во-вторых, коррупционная составляющая (в 2013 г. по Corruption Perception Index Китай занял 80-ю позицию среди 177 стран мира, а по Bribe Payers Index — 27-ю среди 28 стран мира) не позволяет в полном объеме финансировать даже те статьи социальных расходов, на которые официально выделяются средства;

— в-третьих, остается нерешенным вопрос о комплексной интеграции мигрантов (ведь система бытовой регистрации hukou предполагает наличие социальных прав мигрантов исключительно по месту их регистрации, а не работы, и мигранты чаще всего считаются людьми "второго сорта" и дискриминируются независимо от наличия тех или иных прав и свобод);

— в-четвертых, для самозанятых и нерегулярных работников участие в системе социального страхования является исключительно добровольной, но дорогой процедурой, поскольку все предусмотренные взносы выплачиваются ими индивидуально;

— в-пятых, утвержденные нормативы финансирования далеки от того, чтобы действительно защищать от бедности, а услуги по социальному обеспечению — минимальны;

— в-шестых, в стране существуют многочисленные привилегированные группы (военные, госслужащие, работники партийного аппарата) с точки зрения пенсионного обеспечения, здравоохранения и социальной защиты;

— в-седьмых, неразрешенной остается проблема так называемых "незарегистрированных детей", чье появление связано с особенностями национальной семейной политики, берущей свое начало с 1979 г. ("одна семья — один ребенок") **. В доказательство серьезности своих намерений власти Китая ввели жесткие правила. Так, согласно Закону о народонаселении КНР, в случае смерти единственного ребенка до достижения им 18 лет его родители не имеют права ни на рождение еще одного ребенка, ни на усыновление без специального разрешения. За рождение второго ребенка придется заплатить штраф порядка 10 годовых доходов [24].

Главная цель планирования семьи в Китае — поощрение поздних браков и позднего рождения ребенка; ограничение численности младенцев с упором на улучшение

---

* Однако следует отметить, что в Китае уже давно существует система государственных "пяти гарантий" для самого бедного населения, согласно которой расходы на питание, одежду, жилье, медицинское обслуживание и ритуальные услуги субсидируются правительством.

** Как правило, гражданам КНР разрешают иметь одного ребенка на семью или двух детей на семью в деревне (при условии, что первый ребенок — девочка). Политика по ограничению рождаемости зависит от провинции: например, у жителей Пекина есть возможность иметь двух детей, если каждый из родителей был единственным ребенком в своей семье.

ние комплексных характеристик качества нации; призыв к супругам иметь только одного ребенка. Молодые семьи могут быть уверены в том, что их единственный ребенок до 16 лет будет обеспечен заботой государства: ему на льготной основе предоставят дневной уход, школьное образование и медицинское обслуживание, а также компенсируют часть затрат на его содержание. В то же время плановое деторождение позволяет китайской женщине избавиться от патриархальных традиций многодетности и тягот домашнего труда, что, в свою очередь, содействует укреплению здоровья матери и ребенка [25].

Таким образом, существующая в Китае экономика благосостояния базируется на системе социального страхования в пользу городского населения, на неравномерном распределении медицинских услуг между отдельными группами населения, на скорее декларативном, чем практическом, предоставлении социальной помощи всем нуждающимся. По мнению К. Гао, С. Янга и Ш. Ли [26], государство всеобщего благосостояния в городе “аналогично тому, которое действует в индустриальных странах Запада”, тогда как в сельских районах оно “похоже с тем, которое существует в двадцати наименее развитых странах”. Если в структуре доходов городского населения КНР доля социальных пособий составляет 20%, то для сельских жителей – всего 2% [10]. Колоссальная разница в уровнях жизни людей в городах и селах сохранилась до сих пор, даже несмотря на ощутимый прогресс в стандартах качества жизни городских и сельских жителей за 2002–2012 гг. (табл. 3). Между этими двумя группами населения Китая находится большая прослойка мигрантов и незарегистрированных рабочих, которые имеют мизерные социальные права по сравнению с обычными гражданами страны.

Таблица 3

Некоторые показатели качества жизни в Китае *

Индикаторы	Г о д ы				Изменение	
	2002		2012		для город- ского населения	для сель- ского населения
	для город- ского населения	для сель- ского населения	для город- ского населения	для сель- ского населения		
Доходы домашних хозяйств на душу населения (юани).....	6280	2253	24565	7917	+18285	+5664
Расходы домашних хозяйств на душу населения (юани).....	4998	1670	16674	5908	+11676	+4238
Структура расходов домохозяйств (%):						
в том числе:						
питание.....	39,4	49,1	36,2	39,3	-3,2	-9,8
одежда.....	10,0	5,7	10,9	6,7	+0,9	+1,0
жилье и жилищно-коммунальные услуги	18,8	20,0	15,6	24,2	-3,2	+4,2
транспорт и коммуникации.....	8,5	5,6	14,7	11,1	+6,2	+5,5
образование и культура.....	13,4	11,2	12,2	7,5	-1,2	-3,7
здравоохранение.....	6,4	5,2	6,4	8,7	0,0	+3,5
другие товары и услуги.....	3,4	3,1	3,9	2,5	+0,5	-0,6

Окончание таблицы

Коэффициент Джини.....	0,49	0,47	-0,02
Расходы на образование (% ВВП).....	2,9	3,9	+1,0
Расходы на здравоохранение (% ВВП).....	4,62	5,15	+0,53

* Составлено на основе: BRICS Joint Statistical Publication 2013. – 240 p.

Количественно выразить результаты построения государства благосостояния так называемых "азиатских тигров" возможно с помощью Индекса социальной защиты (Social Protection Index – SPI), предложенного "Asian Development Bank" сначала для 6 стран (Бангладеш, Индонезии, Монголии, Непала, Пакистана и Вьетнама), а затем расширенного – для 35 стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. SPI состоит из трех компонентов (табл. 4): 1) индекс социального страхования (social insurance – SI), показывающий уровень развития медицинского и пенсионного, а также страхования на случай безработицы; 2) индекс социальной помощи (social assistance – SA), демонстрирующий объем социальных трансфертов для малообеспеченных, развитие многочисленных социальных программ поддержки инвалидов, пенсионеров и детей; 3) программы на рынке труда (labor market program – LMP), направленные на обучение и повышение квалификации, а также на активизацию предпринимательской деятельности. Страны Европы и Америки в таких оценках сегодня не участвуют.

Таблица 4

Компоненты социальной защиты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона *

№	Компоненты	Расходы (%)	Бенефициарии (%)
1.	SI (% социальной защиты).....	59	36
	Индивидуальные SI-программы (% общего показателя SI):		
	пенсионное страхование.....	65	45
	медицинское страхование.....	13	35
	другие виды страхования.....	22	20
2.	SA (% социальной защиты).....	36	58
	Индивидуальные SA-программы (% общего показателя SA):		
	социальные трансферты.....	32	34
	программы ликвидации последствий стихийных бедствий...	14	15
	программы заботы о детях.....	34	31
	программы помощи пожилым людям.....	12	8
	программы здравоохранения.....	5	9
	программы защиты инвалидов.....	3	2
3.	LMP (% социальной защиты).....	5	6
	Индивидуальные LMP-программы (% общего показателя LMP):		
	программы обучения и переподготовки.....	46	48
	стартовый капитал для программ поддержки бизнеса.....	54	52

* Составлено на основе: The Social Protection Index: Assessing Results for Asia and the Pacific. Asian Development Bank, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adb.org>.

SPI является индикатором, относительно простым для расчетов, поскольку предполагает деление объема расходов на социальные нужды того или иного государства на общее количество потенциальных бенефициариев всех программ социальной защиты. Результат выражается как в числовом коэффициенте – от 0 (мини-

мальное значение) до 0,5 (максимальный показатель), так и в % ВВП страны на душу населения.

Согласно таблице 5, среди стран Восточной Азии КНР занимает наименее выигрышное положение по всем компонентам SPI, и даже на фоне среднестатистических показателей по странам Восточной, Центральной и Западной Азии позиции Китая в сфере обеспечения благосостояния граждан достаточно низки. Лишь по сравнению со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Тихоокеанского региона SPI Китая существенно выше.

Таблица 5

Значения SPI по отдельным составляющим и регионам *

Страны, регионы	SPI	SI	SA	LMP
Центральная и Западная Азия				
Узбекистан.....	0,343	0,528	0,214	0,002
Азербайджан.....	0,187	0,264	0,128	0,001
Кыргызстан.....	0,151	0,105	0,237	0,008
Грузия.....	0,137	0,163	0,127	0,000
Армения.....	0,085	0,066	0,115	0,011
Таджикистан.....	0,039	0,092	0,020	0,004
В среднем по региону	0,157	0,203	0,140	0,004
Восточная Азия				
Япония.....	0,416	0,523	0,213	0,067
Монголия.....	0,206	0,239	0,166	0,141
Южная Корея.....	0,200	0,216	0,181	0,059
КНР.....	0,139	0,172	0,075	0,048
В среднем по региону	0,240	0,288	0,159	0,078
Южная Азия				
Шри-Ланка.....	0,121	0,227	0,036	0,037
Мальдивы.....	0,073	0,052	0,131	0,011
Непал.....	0,068	0,098	0,055	0,014
Индия.....	0,051	0,019	0,044	0,250
Пакистан.....	0,047	0,104	0,017	0,012
Афганистан.....	0,046	0,003	0,050	0,096
Бангладеш.....	0,043	0,020	0,038	0,164
Бутан.....	0,036	0,025	0,055	0,001
В среднем по региону	0,061	0,069	0,053	0,073
Юго-Восточная Азия				
Сингапур.....	0,169	0,282	0,025	0,031
Малайзия.....	0,155	0,281	0,026	0,004
Вьетнам.....	0,137	0,231	0,044	0,043
Таиланд.....	0,119	0,154	0,082	0,025
Филиппины.....	0,085	0,182	0,022	0,055
Индонезия.....	0,044	0,028	0,073	0,015
Лаос.....	0,026	0,043	0,018	0,001
Камбоджа.....	0,020	0,013	0,024	0,035
В среднем по региону	0,095	0,152	0,039	0,026
Тихоокеанский регион				
Маршалловы острова	0,167	0,339	0,068	0,011
Палау.....	0,148	0,228	0,091	0,001
Восточный Тимор.....	0,140	0,000	0,221	0,056

Окончание таблицы

Самоа.....	0,066	0,133	0,028	0,212
Фиджи.....	0,060	0,083	0,051	0,007
Соломоновы острова	0,045	0,104	0,015	0,012
Науру.....	0,034	0,025	0,050	0,000
Вануату.....	0,025	0,037	0,020	0,000
Папуа-Новая Гвинея...	0,005	0,010	0,001	0,000
В среднем по региону	0,077	0,106	0,061	0,033

* Составлено на основе: The Social Protection Index: Assessing Results for Asia and the Pacific. Asian Development Bank, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adb.org>.

Сегодня политика модернизации экономики страны направлена на построение так называемого "зажиточного общества". На XVIII съезде Компартии Китая были утверждены следующие цели его развития до 2020 г. [27] – удвоить ВВП и средние доходы городского и сельского населения по сравнению с 2010 г., тем самым обеспечив решение важнейшей задачи полного построения среднезажиточного общества, а к середине текущего века создать богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармонично модернизированное социалистическое государство. Впервые в задачах государства были сопоставлены вместе макроэкономические показатели и коэффициенты доходов населения, а это свидетельствует о том, что государство действительно желает, чтобы все жители Китая ощутили на себе положительный результат развития страны и жили при всеобщей зажиточности. Однако актуальными для решения такой глобальной проблемы остаются:

- повышение пенсионного возраста или субсидирование занятости пожилых людей (если на Западе государство всеобщего благосостояния избавляет пожилых людей от бедности, то на Востоке – от лености);
- инвестиции в человеческий и социальный капиталы;
- создание эффективных мотиваторов для предпринимательской деятельности с целью уменьшения бремени социальных расходов;
- адресная помощь бедным и исключение из социальных программ богатых;
- использование ИКТ в системе оказания социальных услуг населению.

Считаем, что в перспективе социальная политика Китая так и останется ориентированной на продуктивность, когда решение социальных проблем подотчетно финансово-экономической ситуации в стране. Этому способствуют как демографические проблемы КНР, так и система существующих установок прагматизма, в которой расходы в социальной сфере рассматриваются как непродуктивные, не приносящие отдачи (за исключением инфраструктурных проектов). Конфуцианские ценности также способствуют построению государства всеобщего благосостояния, которое, однако, не продвигает идею классического социализма с его жесткой уравниловкой, а разрешает частную собственность на землю и средства производства. Идеальное конфуцианское государство стоит на страже справедливости, прав человека, равных возможностей для саморазвития каждого и достижения морального совершенства [28].

Резюмируя, отметим, что построение государства всеобщего благосостояния возможно в любой стране мира (в том числе и в КНР), только акцент в ценностных ориентирах следует переносить с перераспределительных критериев (величина государственных и социальных расходов в ВВП) на институциональные (масштаб инвестиций в человеческий и социальный капиталы) [29]. Именно от уровня разви-

тия науки и образования, от степени доверия в обществе к институтам власти, которые проводят социальную политику того или иного характера, ориентируясь на состояние макроэкономической динамики, просвещенность населения в экономическом, правовом и политическом аспектах, в будущем будут зависеть эффективность развития Welfare State, а также адекватность восприятия гражданами разных стран различных социально-экономических критериев, закладываемых в основу государства благосостояния как на Западе, так и на Востоке.

Список использованной литературы

1. *Wilensky H.L.* The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditures. – USA : University of California Press, 1975. – 151 p.
2. *Korpi W.* The Democratic Class Struggle. – London : Routledge and Kegan Paul, 1983.
3. *Постников В.Г.* Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // Журнал российского права. – 2005. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/comm/1948>.
4. *Kautto M.* Investing in Services in West European Welfare States // Journal of European Social Policy. – 2002. – Vol. 12(1). – P. 53–65.
5. *Daly M., Lewis J.* Introduction: Conceptualizing Social Care in the Context of Welfare State Restructuring / Gender, Social Care and Welfare State Restructuring in Europe. – Ashgate : Brookfield, 1998.
6. *Orloff A.S.* Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of State Policies and Gender Relations // American Sociological Review. – 1993. – Vol. 58. – № 3. – P. 303–328.
7. *Castles F.G.* Families of Nations: Patterns of Policy in Western Democracies. – Aldershot : Dartmouth Publishing, 1993.
8. *Castles F.G., Leibfried S., Lewis J., Obinger H., Pierson C.* The Oxford Handbook of the Welfare State. – Oxford : Oxford University Press, 2010.
9. *Deacon B.* Global Social Policy and Governance. – London : Sage, 2007.
10. *Ringen S., Ngok K.* What Kind of Welfare State is Emerging in China? // UNRISD Working Paper. – 2013. – № 2.
11. People's Republic of China: Toward Establishing a Rural Health Protection Scheme. – Manila : Asian Development Bank, 2002.
12. *Giovanni J., Levchenko A., Zhang J.* The Global Welfare Impact of China: Trade Integration and Technological Change // IMF Working Paper. – 2012. – № 79.
13. *Aina T.A.* West and Central Africa: Social Policy for Reconstruction and Development / Morales-Gymez D. Transnational Social Policies. The New Challenges of Globalization. – London : Earthscan, 1999. – P. 69–87.
14. *Dreze J., Sen A. K.* Hunger and Public Action. – Oxford : Clarendon Press, 1989.
15. *Lu F.* The Work Unit: A Special Type of Social Organization // Social Sciences in China. – 1989. – № 1. – P. 42–51.
16. *Wong L.* Marginalization and Social Welfare in China. – London : Routledge, 1999.
17. *Chan C.K., Ngok K.L., Phillips D.* Social Policy in China: Development and Wellbeing. – Bristol : Policy Press, 2008.
18. *Leung J.C.B., Nano R.C.* Authority and Benevolence: Social Welfare in China. – Hong Kong : Chinese University Press, 1995.
19. *Усов В. Н.* Культурная революция в Китае / Китай: история в лицах и событиях. – М., 1991.

20. Saich T. Governance and Politics in China. – New York : Palgrave Macmillan, 2011.
21. Lieberthal K. Governing China: From Revolution Through Reform. – New York : Norton, 2004.
22. Zheng G.C. China's Social Security in Thirty Years. – Beijing : People's Press, 2008.
23. Cook S., Kabeer N., Suwannarat G. Social Protection in Asia. – Delhi : Har-Anand Publications, 2003.
24. Кутелева А. Важно не количество, а качество: демографическая политика Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kreml.org>.
25. Политика планирования семьи в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.easttime.ru/countries/int/3/8/112.html>.
26. Gao Q., Yang S., Li S. The Chinese Welfare State in Transition: 1988–2007 // Journal of Social Policy. – 2013. – Vol. 42. – P. 743–762.
27. Сиюнь Чж. Развитие Китая создает новый шанс для углубления китайско-украинских отношений стратегического сотрудничества и партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ua.chineseembassy.org>.
28. Уайт Х. Конфуцианские ценности, "социализм с китайским лицом" или "быть богатым – это прекрасно" // Голос России. – 2012. – 23 нояб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rus.ruvr.ru/2012_11_23.
29. Козюк В.В., Длугопольский А.В. Государство (всеобщего) благосостояния: китайский вариант / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. (14–19.05.2014). – Вып. 4. – Благовещенск – Хэйхэ – Харбин : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 188–195.

References

1. Wilensky H.L. The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditures. USA, Univ. of California Press, 1975.
2. Korpi W. The Democratic Class Struggle. London, Routledge and Kegan Paul, 1983.
3. Postnikov V.G. *Stanovlenie sotsial'nogo gosudarstva, ego konstitutsionno-pravovye i politicheskie kharakteristiki* [Establishment of a social state, its constitutional-legal and political characteristics]. *Zhurnal Ross. Prava – Journal of Russian Law*, 2005, No. 1, available at: <http://www.lawmix.ru/comm/1948> [in Russian].
4. Kautto M. Investing in Services in West European Welfare States. *Journal of European Social Policy*, 2002, Vol. 12(1), pp. 53–65.
5. Daly M., Lewis J. Introduction: Conceptualizing Social Care in the Context of Welfare State Restructuring, in: *Gender, Social Care and Welfare State Restructuring in Europe*. Ashgate, Brookfield 1998.
6. Orloff A.S. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of State Policies and Gender Relations. *Amer. Sociol. Review*, 1993, Vol. 58, No. 3, pp. 303–328.
7. Castles F.G. Families of Nations: Patterns of Policy in Western Democracies. Aldershot, Dartmouth Publ., 1993.
8. Castles F.G., Leibfried S., Lewis J., Obinger H., Pierson C. The Oxford Handbook of the Welfare State. Oxford, Oxford Univ. Press, 2010.
9. Deacon B. Global Social Policy and Governance. London, Sage, 2007.
10. Ringen S., Ngok K. What Kind of Welfare State is Emerging in China? *UNRISD Working Paper*, 2013, No. 2.
11. People's Republic of China: Toward Establishing a Rural Health Protection Scheme. Manila, Asian Development Bank, 2002.

12. Giovanni J., Levchenko A., Zhang J. The Global Welfare Impact of China: Trade Integration and Technological Change. *IMF Working Paper*, 2012, No. 79.
13. Aina T.A. West and Central Africa: Social Policy for Reconstruction and Development, in: Morales-Gymez D. Transnational Social Policies. The New Challenges of Globalization. London, Earthscan, 1999, pp. 69–87.
14. Dreze J., Sen A.K. Hunger and Public Action. Oxford, Clarendon Press, 1989.
15. Lu F. The Work Unit: A Special Type of Social Organization. *Social Sciences in China*, 1989, No. 1, pp. 42–51.
16. Wong L. Marginalization and Social Welfare in China. London, Routledge, 1999.
17. Chan C.K., Ngok K.L., Phillips D. Social Policy in China: Development and Wellbeing. Bristol, Policy Press, 2008.
18. Leung J.C.B., Nano R.C. Authority and Benevolence: Social Welfare in China. Hong Kong, China Univ. Press, 1995.
19. Usov V.N. *Kul'turnaya Revolyutsiya v Kitae*. [Cultural Revolution in China], in: *Kitai: Istoriya v litsakh i Sobytyakh – China: History in Persons and Events*. Moscow, 1991 [in Russian].
20. Saich T. Governance and Politics in China. New York, Palgrave Macmillan, 2011.
21. Lieberthal K. Governing China: From Revolution Through Reform. New York, Norton, 2004.
22. Zheng G.C. China's Social Security in Thirty Years. Beijing, People's Press, 2008.
23. Cook S., Kabeer N., Suwannarat G. Social Protection in Asia. Delhi, Har-Anand Publ., 2003.
24. Kuteleva A. *Vazhno ne kolichestvo, a kachestvo: demograficheskaya politika Kitaya* [The Quality, Rather Than the Amount, is of Importance: China's Demographic Policy], available at: <http://www.kreml.org> [in Russian].
25. *Politika planirovaniya sem'v Kitae* [The Policy of the Planning of a Family in China], available at: <http://www.easttime.ru/countries/int/3/8/112.html> [in Russian].
26. Gao Q., Yang S., Li S. The Chinese Welfare State in Transition: 1988–2007. *J. of Social Policy*, 2013, Vol. 42, pp. 743–762.
27. Siyun' Zh. *Razvitiye Kitaya sozdaet novyi shans dlya uglubleniya kitaisko-ukrainskikh otnoshenii strategicheskogo sotrudnichestva i partnerstva* [Development of China Creates a New Chance for the Deepening of the China-Ukraine Relations of the Strategic Collaboration and Partnership], available at: <http://www.ua.chineseembassy.org> [in Russian].
28. White Ch. *Konfutsianskie tsennosti, "sotsializm s kitaiskim litsom" ili "byt' bogatym – eto prekrasno"* [The Confucius Values, "Socialism With the Chinese Face" or "to Be Rich is Beautiful"]. *Golos Rossii – Russia's Voice*, November 23, 2012, available at: http://rus.ruvr.ru/2012_11_23 [in Russian].
29. Kozyuk V.V., Dlugopol'skii A.V. *Gosudarstvo (vseobshchego) blagosostoyaniya: kitaiskii variant, v: Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konfer. (14–19.05.2014)* [The State of (Total) Welfare: the Chinese Version, in: Russia and China: History and Perspectives of Collaboration. Proceed. of IV Intern. Sci.-Pract. Conference (May 14–19, 2014)]. Issue 4, Blagoveshchensk, Heihe, Harbin, Publ. House of BGPU, 2014, pp. 188–195 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 24 марта 2014 г.
и была обновлена 30 июня 2014 г.